

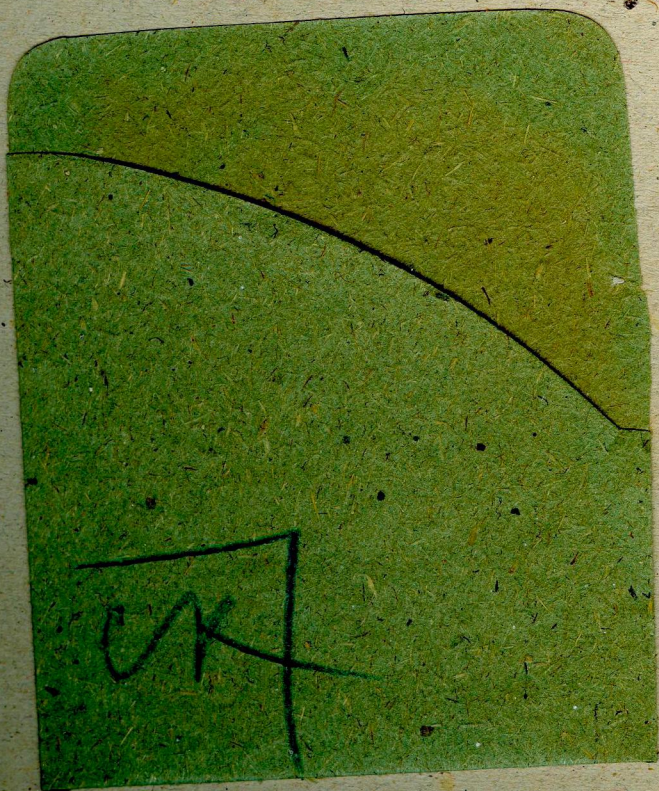
489700

V.N. Karazin Kharkiv National University

00707878

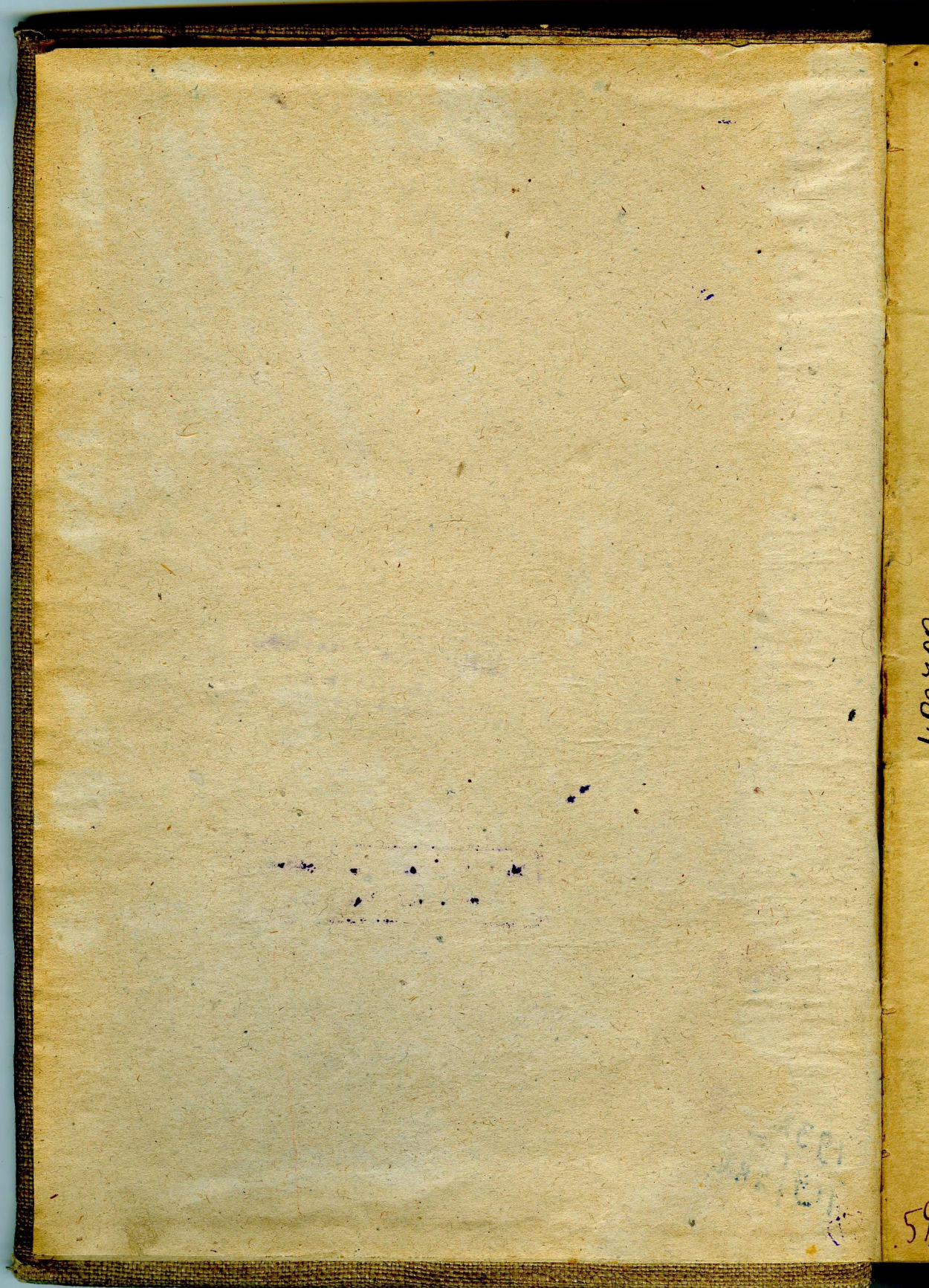
7

33

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

~~1932~~
~~119/282~~

6 III
2204

А. Богданов и И. Степанов.

Кв

КУРС

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Том I.

VWS

482400

Издание третье.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.

Проверено
ЦНБ 1939

58

64

1922/4

1922

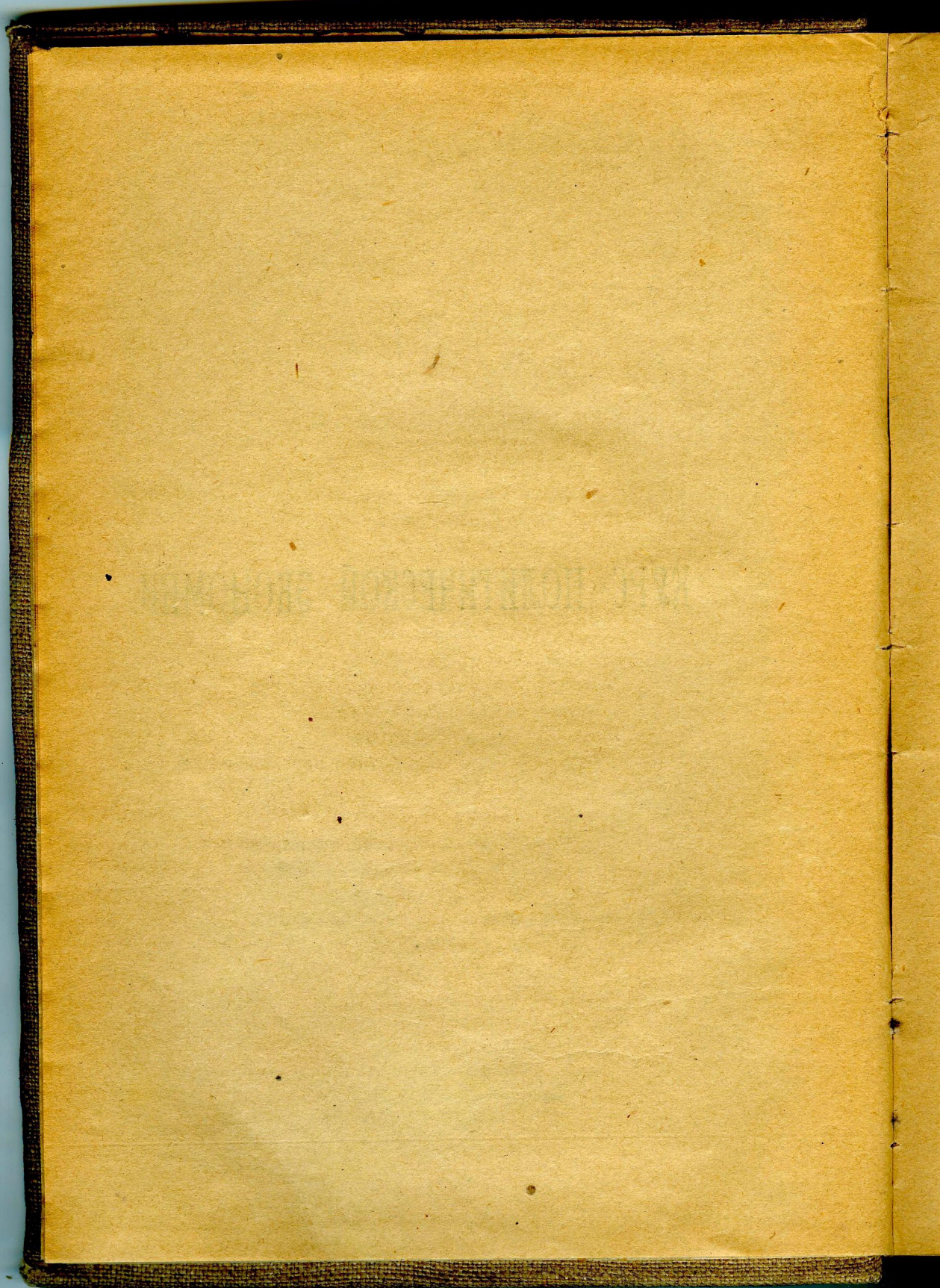
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

С. ПЕТЕРБУРГ

УЧЕБНО-НАУЧНОЕ

АВТОГРАФЫ
1922-1923

КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>стр.</i>
ПРЕДИСЛОВИЕ ко II-му изданию	IX
ПРЕДИСЛОВИЕ к I-му изданию	XI
ВВЕДЕНИЕ	1
I. Определение экономической науки	—
II. Методы экономической науки	5
1. Индуктивный метод (5).—2. Дедуктивный метод (9). —3. Принципы социального приспособления (12).—4. Методы объективные и субъективные (15)	
III. Система изложения	17
 I. ПЕРВОБЫТНЫЙ РОДОВОЙ КОММУНИЗМ	 21
1. Техника первобытного человечества	24
2. Строение первобытной группы	28
3. Возникновение идеологии	31
4. Силы развития (абсолютное перенаселение)	35
 II. АВТОРИТАРНАЯ РОДОВАЯ ОБЩИНА	 39
1. Возникновение первобытного земледелия и ското- водства.—Развитие орудий.—Рост потребностей. —	—
2. Запасы. Прибавочный труд	46
3. Разделение труда в родовой общине	48
4. Размеры родовых общин, их дробление и вза- имотношения	54
5. Развитие идеологии	57
6. Зарождение и развитие обмена.—Возникновение собственности	66
7. Силы развития в авторитарно-родовом обществе.	84

III. ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА 86

1. Развитие техники. 89
2. Земледельческая группа феодальной эпохи . . . 103
3. Обособление организаторских функций.— Абсолютная рента.— Феодальная группа у кочевников. 121
4. Процесс феодального объединения 131
5. Дифференциация мирно-организаторской деятельности.— Духовное сословие. 142
6. Развитие идеологии в феодальном обществе. . . 160
7. Развитие обмена в феодальную эпоху. 167
8. Развитие денег.— Мировые деньги.— Мерило стоимости.— Сокровище. 184
9. Силы развития в феодальном обществе. 195
10. Место феодальной системы в истории экономического развития 199

IV. РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ 203

- А. ВОСТОЧНОЕ РАБСТВО. —
- В. АНТИЧНОЕ РАБСТВО 210
1. Происхождение античного рабства. —
2. Рабовладельческая группа. 216
3. Социально-политическая организация античного мира. 221
4. Идеология классического мира. 228
5. Ход экономической деградации античного общества. 236
 - а) Гибель мелких производителей (236).— б) Упадок крупного рабовладельческого хозяйства (242).— в) Пролетариат (244).— д) Колонат (246).
6. Наследство классического мира. 248
 - с. колониальное рабство. 252

V. СИСТЕМА КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА. 256

1. Отношение крепостного хозяйства к другим экономическим формам. —
2. Превращение феодала в помещика.— Развитие крупной земельной собственности и мелкого крестьянского землевладения (Англия). 261
3. Развитие крепостных отношений.— Крестьянские войны (Франция, Германия и Россия). 273

VII

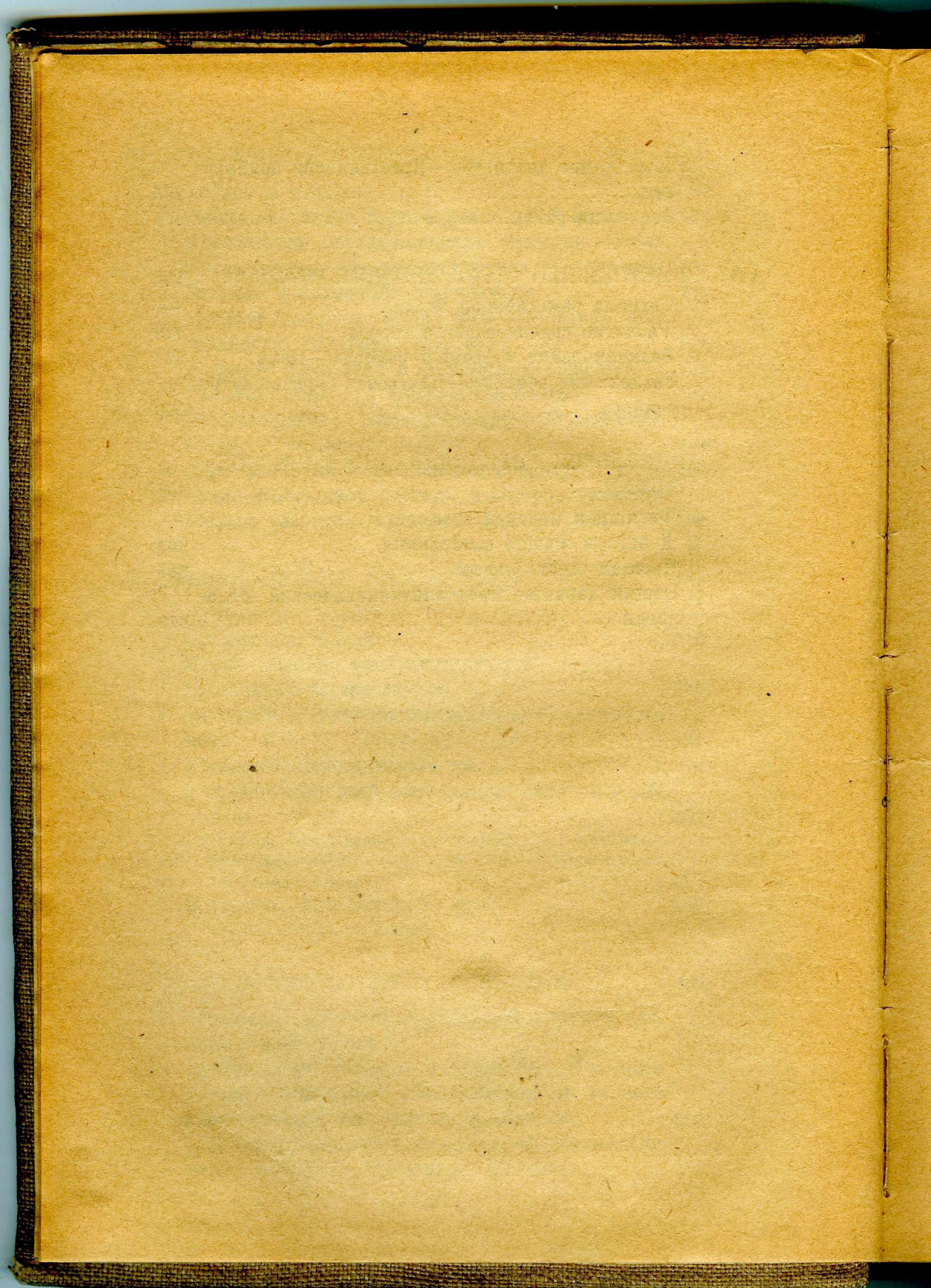
4. Помещичье хозяйство.—Крестьянские повинности. 285
5. Эволюция ренты. 295

VI РЕМЕСЛЕННЫЙ СТРОЙ СРЕДНИХ ВЕКОВ. . . . 305

1. Техника ремесленной эпохи. —
2. Развитие средневекового города. 318
3. Возникновение и расцвет ремесла.—Цехи. . . . 326
4. Разложение ремесла.—Классовая борьба внутри ремесла. 343

ИДЕОЛОГИЯ ПРЕДКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. 358

- a) Фетишизм меновой стоимости. —
 - b) Деньги и жажда накопления. 363
 - c) Частная собственность. 368
 - d) Общий характер предкапиталистической идеологии. 372
-

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ II-му ИЗДАНИЮ.

Нам не удалось выпустить II-й том этой работы вслед за I-м. Это случилось не по нашей вине: II-й том был готов уже семь лет тому назад. Но глухая реакция подавила в публике и научные интересы: рынку не была нужна эта книга. Теперь, когда дело обстоит иначе, нам пришлось до выпуска в свет II-го тома повторить издание I-го тома.

Восемь лет—немалый срок в развитии нынешней науки. Авторам пришлось вновь проредактировать и местами дополнить изложение. Мы хотели бы при этом воспользоваться указаниями критики,—оказалось почти нечем: первое издание вызвало слишком мало ее откликов. От критики буржуазной, мы, разумеется, не могли ожидать особого внимания и ценного содействия; но и от марксистской мы получили гораздо меньше, чем надеялись.

Одну из наиболее обстоятельных рецензий посвятил нашей книге Н. Рожков (в „Соврем. Мире“ 1911, июнь). Однако, и из нее, кроме небольших частных, взять было нечего. Правда, в ней предлагаются и два очень важные исправления; но мы их не сделали. Первое касается рабовладельческих систем; по мнению почтенного историка, весь отдел о них следует устранить, так как эти системы не составляют особого типа, а относятся либо к крепостной организации, либо к капитализму в стадии первоначального накопления. Если бы наш рецензент был более экономистом, он едва ли высказал бы такую мысль. Между рабом и

крепостным, с точки зрения производственных отношений, есть глубокое, принципиальное различие, — такое же, как между пролетарием и мелким буржуа: раб не имеет никакого своего хозяйства, он, собственно, и есть крайний предел пролетаризации — не владеет даже своей рабочей силой; крепостной крестьянин, как бы ни был угнетен, есть мелкий хозяин на своем наделе. В жизни тот и другой тип существовали, большей частью, рядом; но главным, определяющим для хозяйственной организации, был всегда какой-нибудь один из двух. Что касается первоначального накопления капитала, то оно вообще не есть отдельная хозяйственная система, а процесс, протекающий внутри различных хозяйственных систем.

Другое указание Н. Рожкова касается христианства и искажено, к сожалению, каким-то пропуском набора.

Насколько можно понять, он считает христианство Римской Империи идеологией крестьян и разорявшихся ремесленников. Трудно представить себе мнение, в большей мере необоснованное. Христианство это было сектой вполне определенно *коммунистической*. Каким образом оно могло быть идеологией мелких хозяев, да еще погибавших, у которых чувство собственности неизбежно было обострено усилиями сохранить ее жалкие остатки? Для марксиста это вряд ли мыслимая вещь.

Второй том работы мы теперь рассчитываем выпустить немедленно вслед за первым, если не помешают какие-нибудь неожиданные изменения обстановки.

ПРЕДИСЛОВИЕ К I му ИЗДАНИЮ.

Переживаемая человечеством эпоха непрерывной технической революции, обостренной классовой борьбы, глубоких социальных кризисов, порождает во всех слоях общества усиленный интерес к познанию его природы, его строения, законов его жизни. Ключ к ним лежит в экономической области; это все в большей мере сознается даже представителями официальной науки,—столь резко и очевидно последние этапы капитализма успели обнажить внутренний смысл развивающихся социальных связей и конфликтов. Материал экономического исследования накапливается за последнее время с небывалой быстротой; сумма усилий, которые затрачиваются на его собирание не только отдельными специалистами, но еще более—государственными и общественными организациями, постоянно возрастает.

Но успех познания определяется отнюдь не одним накоплением материала; еще важнее здесь—точка зрения, метод разработки. Чем значительнее накопленная масса данных, тем необходимее планомерная их систематизация; чрезмерное нагромождение материала само-по-себе может стать серьезным препятствием для успешности познания. Разработка чистичная, которая способна удовлетворять ученых специалистов,—по самому характеру своей деятельности к ней всего

более тяготеющих, — совершенно недостаточна для тех, кто хочет сознательно относиться к социальной жизни в ее целом, кто хочет занять правильную позицию по отношению к общему ходу ее исторического развития, чтобы целесообразно участвовать в непосредственном ее строительстве. Тут выступает самая настоятельная потребность представить всю экономическую жизнь человечества, как единый и целостный процесс, объективно изображая связь его прошлого, его настоящего и доступного предвидению будущего.

Такая задача по существу невыполнима ни для какой школы, связанной прошлым или настоящим в своих познавательных стремлениях, — ни для какой школы хотя бы отчасти экономически-реакционной или экономически-консервативной: для них невозможно ни вполне объективное, ни вполне целостное изображение социального развития. Задача выполнима только для школы, относящейся принципиально-критически ко всему прошлому и ко всему настоящему человечества, но в то же время умеющей последовательно исходить из приобретений прошлого и настоящего в своей работе для будущего; такова, именно, школа Маркса. Ей не нужна ни защита, ни оправдание современного строя; не удовлетворяется она и пассивным его пониманием; раскрывая и исследуя его стихийность, она противопоставляет ей практическую и познавательную критику, изучая социальный мир, чтобы *изменять* его. К этой школе принадлежат авторы предлагаемой работы. Сознвая насущность задачи, хотя вместе с тем ее огромные трудности, они решились предпринять свою попытку; оба были несколько подготовлены к ней своими предшествующими работами, но не один из них не взял бы на себя смелости предпринять ее единолично.

Надо было использовать массу наличного материала и всевозможные, уже выполненные, в подавляющем большинстве лишь частичные попытки теоретической его систематизации, и из всего этого подчиняя каждый шаг работы строгому единству метода, организовать стройную и объективную картину развития, соблюдая в ней историческую перспективу. При этом не может быть и мысли о простом выделении экономических элементов из общей совокупности социальных явлений: интегральный характер общественного процесса требует, чтобы отчетливо была выяснена, прежде всего, роль экономических отношений в социальной системе, а следовательно — связь их с другими ее областями. Следуя основной точке зрения школы Маркса, экономический анализ должен *исходить* из технических условий жизни общества и *считаться* с идеологическими. Но и тех, и других мы касались лишь в пределах *экономической* их функции: технических — поскольку в них лежат движущие силы развития общественно-трудовых отношений, идеологических — поскольку они служат необходимым орудием организации этих отношений.

Таковы соображения, определившие план нашей работы: разделение на части сообразно историческим периодам развития и порядок рассмотрения каждого периода, начиная с технических предпосылок его экономической жизни, кончая его идеологией. Архитектурно, план этот, как видим, сходен с планом „Краткого курса экономической науки“, написанного 12 лет тому назад одним из авторов предлагаемой работы (и притом также при *участии* другого автора). Но задачи и характер обоих курсов различны: там дело шло, главным образом, о *популяризации*, здесь, прежде всего, — о *систематизации*; там приходилось по преимуществу иллюстрировать метод наиболее удоб-

ным материалом, здесь последовательно применять его к самому различному материалу.

Трудности нашей работы особенно возрастали, благодаря ограниченности места, имевшегося в нашем распоряжении. Так-называемый „критический“ способ изложения тут был совершенно невозможен: более или менее полный анализ существующих по каждому вопросу теорий потребовал бы многих и многих томов. Мы ограничивались принципиальной критикой таких теорий, которые предъявляют более или менее серьезные притязания на господство в современной науке; за этими исключениями нам достаточно было неуклонно применять ту теорию, которая составляет идейную силу нашего течения.

В интересах не только краткости, но и цельности изложения, цитат мы, по возможности, избегали. Взамен того в конце всей этой работы мы дадим систематическую библиографию, составленную применительно к общему построению работы, с краткими пояснениями относительно содержания и ценности рекомендуемых книг. Это будет библиография не для ученого специалиста, а для образованного читателя, рассчитанная на то, чтобы, не подавляя его своим количеством, помочь ему ознакомиться и с разнообразием существующих в науке взглядов, и с более важным фактическим материалом, не нашедшим места в рамках нашего курса.

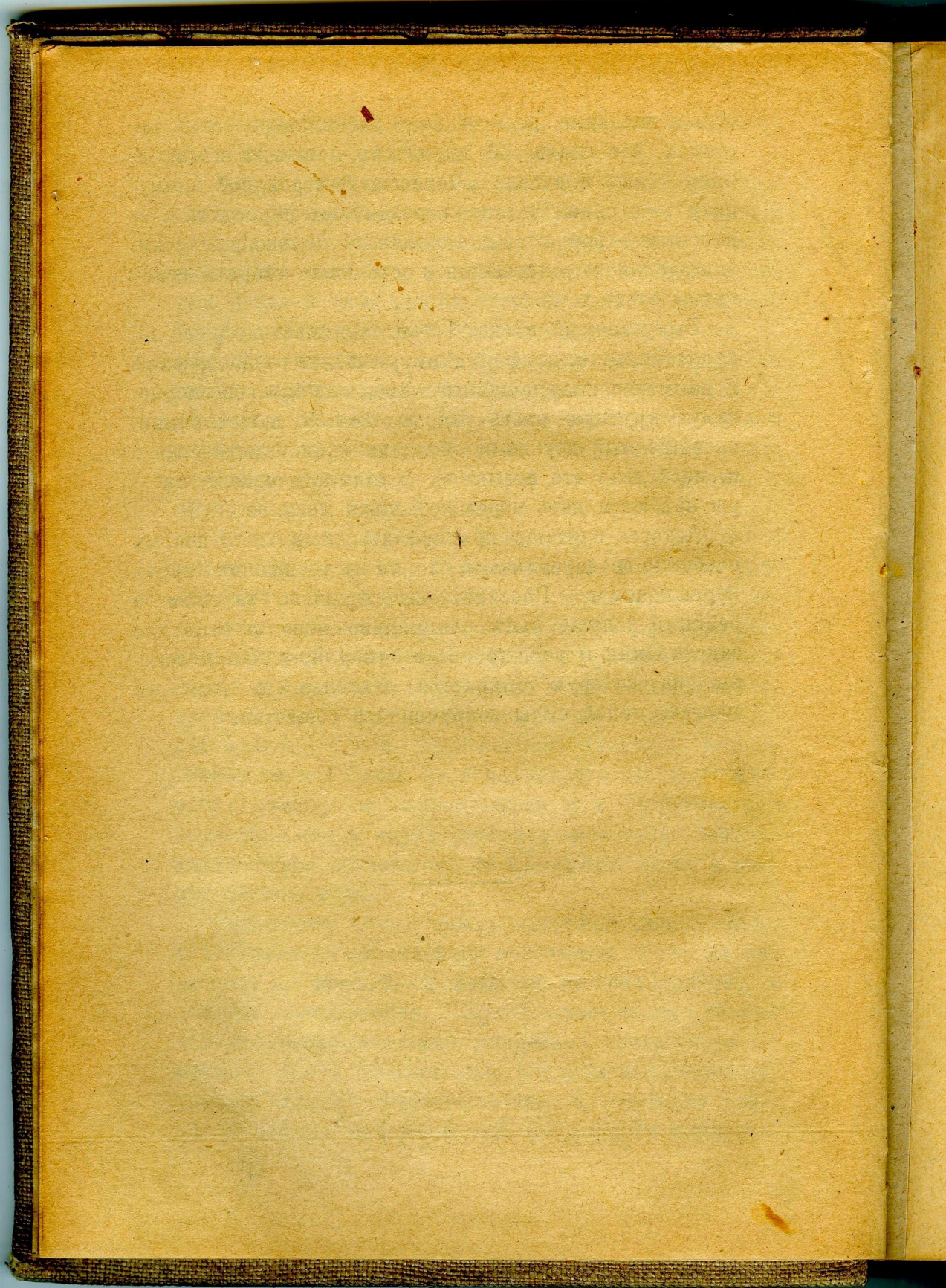
Разделение труда между авторами определялось различиями их специальной подготовки. Один из них работал до последнего времени по преимуществу в области методологии; другой — занимался больше историко-экономическими вопросами конкретного характера. Таким образом, при редакционном единстве работы, научная ответственность, в известной мере, все-же должна быть разделена. Богдановым написаны:

общее введение, весь отдел о рабовладельческих системах, все главы об идеологии и все, за исключением главы в отделе „Первобытный родовой коммунизм“, — о силах развития различных периодов. Степановым — все главы технически и экономически-описательного содержания и остальные теоретические главы этого тома.

Выпускаемый в свет I том, охватывающий все докапиталистические формации, наиболее разнообразные и наименее исследованные, представляет, бесспорно, самую трудную часть работы. Том II и последний, посвященный изучению общества капиталистического и, насколько это возможно, социалистического, авторы надеются дать через несколько месяцев.

Авторы считают предпринятое ими дело потому особенно своевременным, что, по их убеждению, время переживаемого Россией общественного затишья и реакции должно быть специально использовано для закрепления и расширения той научно-идейной основы, на которую опирается деятельность наиболее прогрессивной силы современного общества.

Февраль 1910 г.

ВВЕДЕНИЕ

I. Определение экономической науки

Познание первоначально возникло из *практических* потребностей человечества в его трудовой борьбе с природой за жизнь и развитие. Познавать явления—это значит овладевать их взаимной связью, их соотношениями; таким способом создается возможность их предвидеть, планомерно вмешиваться в их ход материальной человеческой силой, их регулировать и эксплуатировать в человеческих интересах. Следовательно, познание представляет существенный момент *реальной власти* людей над природой. Будучи по своему происхождению *результатом* прогресса производительных сил общества, оно становится *условием* и *опорой* этого прогресса, как с полной очевидностью показывает современная научная техника крупной промышленности.

Каждая наука имеет своим содержанием *систематизированное познание определенной области человеческого опыта*. Для экономической науки такая область—*социально-трудовые отношения между людьми*.

В производстве, в коллективной борьбе с природой, люди силой жизненной необходимости становятся в известные взаимоотношения, которые, охватывая их своей сетью, приобретают огромное влияние на судьбы каждого человека и всего человечества. Отсюда возникает важнейшая практическая потребность—*познавательное овладеть* социально-трудовыми отношениями людей, найти условия и законы их развития. Этой потребностью и определяется задача экономической науки.

Отсюда же вытекает и сравнительно позднее зарождение экономической науки: начало ее, как науки, относится к XVI—XVII в., к эпохе распространения менового хозяйства и первых шагов капитализма. Она появилась тогда, когда социально-трудовые отношения стали сурово господствовать над людьми своей стихийностью. Разрушительная для старого общества сила денег, жестокая власть рынка и конкуренции вызвали потребность в исследовании и изучении экономических форм.

Социально-трудовые отношения людей образуют два ряда. Первый, основной ряд, это те отношения прямого или косвенного *сотрудничества*, которые связывают людей в *производстве*: простая кооперация, техническое разделение труда, общественное разделение труда и т. п. Это—*производствен-*

ные отношения в тесном смысле слова, в прямом и точном его значении. Они являются экономическими—первичными; их жизненная роль здесь пока не требует пояснений.

Но ими область социально-трудовых отношений не исчерпывается всецело. Существуют еще производные и косвенные социально-трудовые отношения, которые естественно входят также в сферу экономической науки.

Продукт, который экономически представляет кристаллизованный труд людей, распределяется в обществе так или иначе. Произведения труда людей А, В, С становятся объектом распоряжения или потребления, вообще—пользования для человека D, произведения труда E для G, а рядом с этим, может быть, и обратно. Обычно, это выражается иначе: D присваивает себе продукт работы А, В, С, или: G и E обмениваются своими продуктами и т. п. Но ясно, что перед нами тут, действительно, общественно-трудовые отношения, отношения труда одних людей для других; причем совершенно не важно, будет ли эта связь взаимной или односторонней она есть связь трудовая. Рабочие работают на капиталиста, или, другими словами, капиталист присваивает себе произведенный ими товар в частную собственность; ремесленник и крестьянин работают друг на друга, или—продукты ремесленника и крестьянина распределяются между ними путем обмена. Словом, присвоение, распределение, обмен, собственность—все это также производственные отношения людей—в широком и общем смысле термина.

Таким образом, если экономическая наука определяется, как учение о социально-трудовых отношениях людей, то в ее содержание входят и «формы производства», и «формы присвоения, обмена, распределения». Обыкновенно в учебниках эти составные части предмета экономической науки перечисляются в самом ее определении, благодаря чему, оно оказывается более сложным и менее стройным. Точный анализ позволяет объединить различные на первый взгляд элементы общей формулой, выражающей их сущность: «общественно-трудовые отношения».

Экономические формы жизни изменчивы; они либо прогрессивно развиваются, либо деградируют, подвергаясь распаду и разложению; из этого очевидно, что наука должна изучать их исторически; должна анализировать их изменения, раскрывать их причины, их условия. Только на таком пути она может познавательное овладеть своим предметом, дать возможность предвидения экономических явлений и практически-целесообразного воздействия на них.

При этом само собою выясняется, насколько относительно и условно отграничение предмета экономической науки,—как, впрочем, и всех других наук. Изменения экономических форм зависят отнюдь не только от условий, лежащих в самой экономике, но также—и, притом, еще в большей степени—от условий, лежащих вне ее. Экономические формы

не развиваются сами собою, движущие силы их развития всегда, при достаточном исследовании, оказываются исходящими из их среды, социальной и внесоциальной.

Согласно учению Маркса, основу экономических форм и их изменений представляют «производительные силы общества» или условия общественно-технические, т. е., другими словами, общественно-трудовые отношения людей к внешней природе.

Ведя борьбу с внешней природой, люди вынуждены становиться в такие отношения между собою, которые соответствовали бы условиям и способам этой борьбы; напр.: обработка земли требует иных форм сотрудничества, чем охота, и, притом, земледелие на берегах больших разливающихся рек — также иных, чем земледелие в лесистых равнинах; техника машинного производства необходимо обуславливает другого рода связь между работниками, чем ручные способы труда, и т. п. Таким образом, производительные силы общества порождают определенную его экономическую организацию; она может законно рассматриваться, как жизненное выражение данной суммы производительных сил, данного их уровня и характера. В этом заключается исходная точка всякого действительно-научного исследования экономических явлений.

Как отношения жизненно-необходимые, с неизбежностью вытекающие из достигнутого уровня производства, экономические связи общества образуют его основное строение. Нашу науку, следовательно, с полным основанием можно определить, как науку об основном строении общества.

В своей трудовой деятельности общество либо непрерывно развивает свои производительные силы, как это наблюдается чаще всего, — либо растрчивает их, жизненно ослабевая и теряя свою власть над природой, что до сих пор встречалось в истории реже. Экономические формы необходимо должны приспособиться к новому состоянию производительных сил. Но, раз сложившись, они приспособляются не сразу, не следуют непосредственно за изменениями технических условий, ибо обладают уже некоторым самостоятельным жизненным консерватизмом, собственным стремлением сохраняться, какое существует у всех жизненных форм. Это запаздывание их изменений в некоторых частях экономической системы может оказываться настолько значительным, что она, как целое, уже реально не выражает данного состояния производительных сил, а оказывается в жизненном противоречии с ним. Тогда соответствие восстанавливается путем исторических кризисов или революций, экономическая сущность которых и заключается в разрушительно-творческом приспособлении экономических форм к социально-техническим условиям.

Итак, здесь, в отношениях общества к природе, лежит основа экономического развития и, вообще, изменения эко-

номических форм, его начальный пункт, его *движущие силы*. Но имеются еще иные условия, которые также, хотя и в другом смысле, влияют на это развитие и на эти изменения: условия *общественно-идеологические*.

Социально организуясь в трудовой своей деятельности люди вырабатывают «идеологию» — речь, познание, нормы обычая, права, политический строй, и т. д. Это — *организующие формы* жизни общества или, что то же, ее *организационные орудия*. Всякое сотрудничество и всякое присвоение устривается или оформливается путем словесного общения людей, согласно понятиям, сложившимся в их опыте, причем может регулироваться нормами обычными, юридическими, деятельностью политических учреждений, и пр.: все это — функции организационные.

Идеологические формы являются по своему происхождению *производными* от технических условий и экономических отношений, *отражают* их в своем содержании и во всем развитии; но в свою очередь, раз уже сложившись, они становятся жизненно-важными составными частями социальной системы, и в своей организующей роли имеют существенное влияние на все развитие — техническое и экономическое. Влияние это может оказываться *благоприятным* или *неблагоприятным* для развития, задерживать или облегчать его. То или другое и обнаруживается на практике.

Так, если в обществе господствует консервативная система понятий, — каковы, напр., бывают почти всегда религиозные мировоззрения, — и если обычай общества, его право, мораль консервативны по своему направлению, то всякий технический, — а следовательно, и зависящий от него экономический — прогресс встречает на своем пути величайшие сопротивления: изобретателей сжигают, применение выработанных ими усовершенствований запрещают, возникающие новые формы присвоения стесняют специальными законами, и т. п. Наоборот, идеология, чуждая консерватизма, проникнутая идеей развития, — каково, напр., современное естественно-научное мировоззрение, — ускоряет темп социального прогресса и служит для него твердой опорой; и такую же роль играют демократические учреждения, правовые и политические.

Конечно, идеологии консервативные — сами продукт общества, технически и экономически консервативного, тогда как прогрессивные — продукт общества, в основах своей жизни прогрессивного, так что роль идеологии сводится к усилению и закреплению первичных тенденций социальной жизни; но от этого она не становится менее важной для нашей науки.

Как видим, экономическое исследование должно постоянно учитывать значение для экономического развития различных внеэкономических моментов, социальных и даже не-социальных. Следовательно, было бы неправильно сказать, что социально-трудовые отношения людей составляют *исключи-*

чительный предмет экономической науки; нет, из всеобщей связи явлений невозможно вырвать какую-нибудь их группу и сделать ее вполне отдельным объектом познания. Экономической науке по необходимости приходится трактовать о самых разнообразных предметах: она вынуждена говорить и о разливах Нила, и о затмениях спутников Юпитера, и о католической догматике. Но разливы Нила важны для нее не сами по себе и не с точки зрения их астрономических, географических и т. д. причин, а лишь с той стороны, что они вынуждают определенную организацию земледельческого труда в Египте; затмения спутников Юпитера интересны для нее также не сами по себе и не с точки зрения их математического вычисления, а лишь поскольку их открытие помогло развитию мореплавания и меновых сношений (на этих затмениях было основано точное определение долготы на море, необходимое для управления кораблем); и католическая догматика занимает экономиста опять-таки не в смысле, напр., ее связи с догматикой еврейской, а лишь в смысле ее реакционной роли по отношению к развивавшимся в известную эпоху экономическим формам, и т. п. Ставя своей специальной задачей изучение социально-трудовых отношений между людьми, экономическая наука рассматривает прочие явления исключительно с точки зрения этой задачи. Так следует понимать точное определение всякой науки: ее предмет означает не границы исследования, а точку зрения.

Обычное определение политической экономии в учебниках таково: «наука об общественном хозяйстве». Оно совершенно неточно и ненаучно. В понятие об общественном хозяйстве входит и вся техника производства. Следовательно, с этой точки зрения вопрос, напр., о выборе удобрения для той или иной почвы, о способе выплавки того или иного сорта стали, без сомнения, вопросы общественного хозяйства сами по себе оказались бы экономическими вопросами. — Такое ошибочное понятие возникло и удерживалось в науке потому, что она разрабатывалась первоначально представителями класса, который не принимал непосредственного участия в технической стороне производства, не был к ней достаточно близок, чтобы ясно воспринимать ее различие от экономики; это — естественная неполнота и неясность буржуазного научного мышления. Точка зрения класса непосредственно-трудового легко раскрывает ее.

II. Методы экономической науки.

Методы экономической науки определяются ее задачей, и естественно, что с методами других наук они сходны как раз постольку, поскольку однородны преследуемые задачи.

1. Индуктивный метод.

Для познавательного овладения фактами требуется прежде всего их прямое наблюдение, их точное описание, их обобщение.

ние. Вся это влится в рамки *индуктивного метода*. В экономической науке он получает во многом своеобразное развитие и принимает различные формы.

Форма наиболее элементарная—это простое *обобщающее описание*. Наблюдаются различные экономические факты и группируются по сходству; в каждой группе однородных фактов выделяются и устанавливаются их общие, повторяющиеся элементы. Напр., даже самые различные капиталистические фабрики имеют целый ряд одинаковых черт, совокупность которых и дает обобщенную картину капиталистической фабрики. Это—необходимое начало научного исследования.

Но чем сложнее изучаемые явления, чем больше разнообразия и изменчивости представляют они в своем содержании, тем труднее поддаются обобщающе-описательному методу, тем приблизительнее и неопределеннее результаты, к которым он приходит. Факты социальные, к числу которых принадлежат экономические процессы, обладают наибольшей сложностью из всех, известных нам в опыте,—в них наблюдается масса вариаций, и непосредственное обобщение особенно трудно. Самые формулы обобщения приходится чаще всего сопровождать оговорками «обыкновенно», «в большинстве случаев» и т. п. Возьмем хотя бы тот же пример—крупно-капиталистическую фабрику. В огромной массе случаев она характеризуется большим числом рабочих—сотнями или тысячами. Но есть очень крупные предприятия этого рода, которые при усовершенствованных автоматических механизмах обходятся очень малым числом рабочих. Как пример, часто приводится современная булавочная фабрика, которая всего при 5 рабочих, наблюдающих за 70 автоматическими машинами, производит 7—8 миллионов булавок в день. Приходится уже в самом правиле указывать на исключение. А между тем тут дело идет еще о сравнительно резко дифференцированной экономической форме. Формы переходные, не вполне определившиеся, дают несравненно больше колебаний и отклонений, и попытки чисто-эмпирического их описания приводят к формулировкам запутанным, неопределенным и громоздким. Напр., под такими понятиями, как «мелкое ремесло», или, особенно, «крестьянское хозяйство», может скрываться, как мы увидим, не только очень различное, но почти прямо противоположное экономическое содержание.

Больше порядка и ясности в изложении фактов позволяет тогда внести *метод статистический*. Он точнее, потому что оперирует *количественными* приемами. Он в цифрах выражает абсолютную и относительную частоту тех или иных явлений, тех или иных признаков, им свойственных: он надежнее освещает взаимную связь этих признаков, численно констатируя, какие из них с какими постоянно соединяются. Там, где не удается точный цифровой подсчет,

напр., в науках физических и биологических часто потому, что факты слишком многочисленны для такого подсчета, как, положим, падение тел или размножение и смерть клеток,—те же цели нередко все-таки достигаются, до известной степени, неопределенно-численными указаниями: «в подавляющей массе случаев», «в большинстве наблюдений», «в редких, в исключительных случаях», и т. п. низшая форма статистического метода тем менее полезна, чем сложнее и разнообразнее исследуемые факты; а экономические, как и вообще социальные, относятся к самым сложным и разнообразным; поэтому наша наука должна всюду стремиться к замене неопределенного подсчета точно-цифровым.

Далее, статистический метод важен тем, что он способен до некоторой степени устанавливать *эмпирические тенденции* общественного развития, выясняя, какие факты становятся в данную эпоху многочисленнее, какие их признаки усиливаются и т. п. Но, взятый в отдельности, он не в силах раскрывать точно их причины и их жизненное значение, а следовательно, недостаточен и для того, чтобы предусматривать их изменения. Напр., промышленная статистика эпохи процветания, констатирующая рост производства и торговли по всем направлениям, сама по себе еще не способна дать никаких указаний на тот грядущий кризис, который остановит эту тенденцию и временно сменит ее противоположную. Да и вообще, каждая статистически-находимая тенденция на деле, обыкновенно, есть лишь равнодействующая или результат взаимного соотношения нескольких различных тенденций, которые и развиваются в разные стороны. Так, наблюдаемое общее движение цен зависит, с одной стороны, от изменения трудовой стоимости товаров, с другой стороны—от изменения стоимости самих денег; а по отношению к отдельным товарам сюда присоединяется еще влияние монополий и т. д. Статистические цифры выражают только сложный результат сочетания всех этих условий, и не дают их действительного взаимоотношения. Тут выступает на сцену иной, более совершенный метод—*абстрактно-аналитический*.

Метод абстрактного анализа—высшая форма индукции—раскрывает *простейшие тенденции* развивающихся явлений, *отвлекая*, абстрагируя эти тенденции от бесконечной сложности конкретных фактов; таким путем получают упрощающие схемы явлений—их «абстрактные законы». Это—наиболее трудная, но и наиболее важная задача познания; всего труднее она, именно, для наук социальных, имеющих дело с наиболее сложными фактами, с наиболее запутанными комбинациями условий.

В естественных науках имеется свой особый способ «отвлекать» простейшие тенденции явлений или, что то же, «отвлекаться» от усложняющих условий,—*точный эксперимент*. Технически создаются такие простейшие условия, в

которых та или иная тенденция уже не осложняется другими, а выступает в чистом или почти чистом виде; тогда ее легко подвергнуть строгому наблюдению и количественному исследованию. Напр., исследуя падение тел, «отвлекаются» от сопротивления воздуха таким путем, что выкачивают воздух из длинных трубок, в которых и наблюдают это падение. Но и там законченно-чистая постановка эксперимента представляет скорее лишь идеальный случай. Чаще всего осложняющие условия устраняются только приблизительно, — только, как в нашем примере, сводятся к наименьшей, какой удастся, величине, — или же парализуются присоединением к ним заведомо противоположных влияний. Затем, количественно изменяя то условие, от которого, как предполагается, зависит изучаемая тенденция, измеряют каждый раз результаты: напр., устранив в достаточной мере влияние температуры на объем газа, изменяют давление, под которым он находится, и измеряют каждый раз объем. Если получаемые соотношения удастся выразить математическим уравнением, то задача разрешена, тенденция выяснена, ее значение всегда может быть предусмотрено, учтено и в дальнейшем исследовании, и в практических расчетах, связанных с данного рода фактами. Остается идти от нее далее, к выяснению других, осложняющих тенденций, одних за другими, от более сильных и постоянных к менее значительным и менее важным.

В общественных науках подобная постановка экспериментов невозможна или возможна только в каких-нибудь исключительных случаях. Тут объект познания — люди, их взаимные отношения, социальные силы — не допускает такого обращения с собою, какое осуществимо по отношению к неорганическим телам, растениям, животным; реально изолировать по произволу различные тенденции не удастся и не приходится; можно пользоваться только наблюдением фактов так, как они сами по себе протекают. Заменой точного эксперимента является тогда метод *мысленного отвлечения*, тот абстрактно-аналитический метод, который оказался таким могучим орудием познания, сначала в руках буржуазных классиков-экономистов, а затем еще несравненно более — в руках Маркса и его школы.

Каким способом достигается «мысленное отвлечение» тенденций? Прежде всего требуется, конечно, точное и внимательное наблюдение возможно большого числа однородных фактов. Далее, выбравши то условие, влияние которого желательно установить, надо расположить эти факты в последовательный ряд по степени возрастания или убывания этого именно условия. Тогда, сопоставляя те случаи, в которых все остальные условия приблизительно сходны, легко видеть, в *какую сторону происходит изменение результата, когда уменьшается влияние данного условия, в какую сторону — когда оно увеличивается*. Напр., если надо выяснить отноше-

ние трудовой стоимости товаров к их цене, надо брать различные случаи обмена товаров, происходящие при одинаковых, в общем, условиях, — при свободной на рынке конкуренции, при одинаковой для обменивающихся сторон возможности не спешить с продажей товара и т. д. Оказывается, что в массе подобных случаев чем меньше общественного труда заключено в товаре, тем меньше его цена, а предметы, которые получаются без всякого применения коллективного труда, которые каждый может взять простым личным усилием — хотя бы вода из реки, — цен совсем уже не имеют. Так выясняется основная тенденция цены — их прямая зависимость от общественно-трудовой стоимости.

Опираясь на этот результат, можно продолжать «отвлечение» и анализ других тенденций, выступающих в той же группе явлений. Сравнивая ряд случаев, где трудовая стоимость товаров приблизительно одна и та же, но имеется в разных степенях, влияние монополии, приходим к установлению роли монопольных тенденций в обмене, и т. д.

Основная тенденция ряда явлений называется также его «нормой» или «абстрактным законом»; в нашем примере — трудовая норма цен или закон трудовой стоимости.

Эту норму, основную тенденцию не следует смешивать со *средней* величиной, характеризующей те же явления, и получаемой статистическим путем. Норма может совпадать с *средней*, может и отличаться от нее. Напр., средняя скорость наблюдаемого падения тел не равна скорости нормальной, определяемой абстрактным законом, а меньше ее, потому что главная из усложняющих тенденций — сопротивление воздуха — действует постоянно в одну сторону, именно замедляет движение; средняя продолжительность жизни людей также меньше ее нормы, соответствующей полному жизненному циклу, и т. п.

Когда все существенные тенденции данной группы фактов обнаружены, когда характер и степень их влияния при различных условиях с надлежащей точностью определены и формулированы, то задача абстрактно-аналитического метода выполнена, закономерность, которую он отыскивал, раскрыта, и любой факт этого типа во всякий момент может быть полностью «объяснен», т. е. анализирован и поставлен в точную связь со всей совокупностью его условий. Вместе с тем получается прочная основа для того научного *предвидения*, которое осуществляется посредством *дедуктивного метода*.

2. Дедуктивный метод.

Дедукция или «выведение» немислима без предварительной работы индуктивного метода: делать выводы возможно только из установленных заранее положений, выражающих какие-либо закономерности данных опыта; а законо-

вероятно эти раньше должны были найдены, что и выполняет индукция. Следовательно, сила дедукции необходимо зависит от широты и глубины тех «наведений», на которые она опирается. Таким образом, различные формы индуктивного метода в очень неравной степени дают почву для точной дедукции, а в частности—предвидения.

Простое «обобщающее описание», с его почти всегда лишь приблизительными результатами, представляет сравнительно шаткую и ненадежную основу для дедукции; ее выводы естественно должны в этих случаях оказываться еще более приблизительными, они не обладают несомненностью, а обладают только *вероятностью*. Пусть из обобщенных нами наблюдений мы знаем, что крупное капиталистическое производство *обыкновенно* в конкуренции вытесняет мелкие предприятия; пусть из других наблюдений мы нашли, что *чаще всего* число работников в промышленности увеличивается с развитием крупного производства. Если нам известно только это, а неизвестно, в силу сочетания каких тенденций, и с какими условиями связанных, получаются в действительности такие соотношения, то далеко ли мы можем пойти в своих дедукциях? Предположим, мы узнали, что в страну, где до сих пор царило мелкое производство, проникает крупный промышленный капитал. «Предвидение» будет таково: *очень вероятно*, что крупный капитал будет побивать мелкий; *если* это случится, то *есть основание ожидать*, что число рабочих рук, занятых в промышленности, станет возрастать. Но как велики действительные шансы этого последнего результата? Судить об этом чрезвычайно трудно, потому что пришлось соединить вместе две различных «вероятности», а как они влияют одна на другую, усиливают или ослабляют, мы не знаем, и без анализа более точного, чем тот, который дается простым эмпирическим обобщением, узнать не можем.

Статистический метод для дедукции дает уже более надежную опору. Обобщения, полученные из цифровых данных, устойчивее и определеннее, чем обобщения чисто описательные, из первых комбинированные выводы часто могут получаться также в количественной форме, и самая *вероятность* того или иного результата в большинстве случаев может быть взвешена и выражена численно. Но все же здесь, как и в предыдущем случае, предвидение не имеет характера уверенности, как только возникает вопрос о *границах*, о *предельном выражении* статистически найденных закономерностей. Пусть, напр., твердо установлено, что в такой-то стране за несколько лет число мелких предприятий ежегодно сокращалось на 2—3 процента. Вытекает ли отсюда уверенное предвидение, что через несколько десятков лет мелкие предприятия исчезнут, и даже—что вообще когда-нибудь они исчезнут? Может-быть, через несколько лет сокращение приостановится или даже сменится обратным *процессом*? Раз неизвестно, в чем сущность наблюдаемой и

взаимной конденсации, из каких более элементарных тенденций она складывается и с какими общими условиями они связаны,—то нельзя дать научно-мотивированного ответа на поставленные вопросы.

Вот почему и метод обобщающе-описательный, и статистический постоянно тяготеют к методу абстрактно-аналитическому, постоянно стремятся перейти в него. Именно этот последний создает настоящее поле для «выведения» и предвидения.

Когда установлены «абстрактные законы» явлений, т. е. выделены их различные тенденции, и указана связь этих последних с определенными условиями, тогда вполне достаточно знать сумму условий, чтобы точно предусмотреть развитие обусловленного; и достаточно знать основные условия, иногда очень немногие, чтобы в существенных чертах предвидеть ход соответственных событий. Так, на основании раскрытых Марксом законов, связывающих прогресс капитала с развитием классовой борьбы, русские марксисты еще в начале 80-х годов прошлого века предсказали общий ход пролетарского движения, развернувшийся лишь в 90—900-х годах, и переход его из экономического в политическое, и особенную роль пролетариата среди других классов в буржуазной революции, и т. п. Аналогичным образом тогда же вступление целого ряда остальных стран на путь капитализма позволяло с уверенностью предусмотреть и огромное обострение конкуренции на мировом рынке, и жесточайшие кризисы перепроизводства, и невиданное усиление и углубление борьбы классов,—что и оправдалось на самом деле.

Учение Маркса об исторической неизбежности социалистического строя есть также строгая дедукция, в которой комбинируются обнаруженные абстрактным анализом основные тенденции развития производственной техники, с одной стороны, различных классов общества—с другой. И несмотря на то, что самый факт именно такого общественно-экономического переворота ни разу еще не имел места в истории человечества, правильность вывода по существу должна быть признана несомненной: и это не только потому, что метод, который приводит к нему, вполне подтвержден и оправдан успехом других его применений,—но также и потому, что ход жизни современных обществ очевидным образом направляется именно по той линии, которая этой дедукцией преуказана,—через этапы, которые явно приближают человечество к пункту, ею намеченному,—хотя бы даже некоторые из этих этапов и не были раньше конкретно предусмотрены.

Соединение абстрактного анализа и дедукции в настоящее время—главное и лучшее орудие научно-экономического исследования.

3. Принцип социального приспособления.

Социально-трудовой процесс есть сложный, и, может быть, самый своеобразный из жизненных процессов, но все же он безусловно принадлежит к явлениям *жизни* и сохраняет все их существенные черты. А всякое познание жизни в современной науке необходимо опирается на идею *приспособления*. Как всякая форма жизни, общество борется с природой за свое существование, и эта борьба вся основывается на приспособлении. Вся *техническая жизнь общества* есть его социально-трудовое приспособление к внешней среде, вырабатываются приемы и способы защиты от нее, воздействия на нее в интересах людей; все эти приемы и способы суть технические приспособления общества.

Надо избегать той неясности, к которой могут вести некоторые *переносные* применения термина. Принято, напр., говорить: «животные приспособляются к среде, а человек сам ее к себе приспособляет», и сообразно с этим называют «приспособлениями» разные орудия, машины и т. п.. Такие формулировки заключают в себе верную мысль, поскольку они указывают на свойственный человеку *активный* характер деятельности в его борьбе за жизнь, в противоположность более пассивному характеру приспособления других организмов. Но, тем не менее, это—метафоры, ибо только *живое* приспособляется, только *жизненная функция* или орган, является действительным приспособлением. Активно приспособляются не только люди, но во многих случаях также животные,—когда они роют себе норы, когда истребляют своих врагов и т. д., вообще, когда изменяют среду в своих интересах; иногда это можно сказать даже о растениях.—напр., когда мощное дерево, вытягивая корнями соки из земли, убивает тем самым вокруг себя множество конкурирующих слабых растений, или когда оно своим медленным, но непрерывным давлением преодолевает какое-нибудь механическое препятствие на пути своего роста. Если человек строит дом или делает себе орудие, то, конечно, он преобразует свою среду; но в этом взаимодействии возрастает *его собственная* приспособленность к борьбе за жизнь, а отнюдь не «приспособленность» предметов среды, которые остаются безжизненными и инертными.

В *экономической* деятельности каждая часть общества—хозяйство, отрасль производства, предприятие, отдельный член предприятия—приспособляется к *социальной среде*. В своей организации предприятие приспособляется к исторически выработанной технике и, положим, к условиям рынка; отдельный член предприятия должен приспособляться к общей его организации и т. д. Все социально-трудовые отношения между людьми представляют из себя такого рода приспособления.

Таким образом, и для экономической науки, как для других наук о жизни, основная и самая общая тенденция изучаемых ею явлений есть тенденция *приспособления*; основной и самый общий из ее абстрактных законов—закон приспособления. Но здесь он, естественно, принимает более частную, более специальную форму; дело идет не о приспособлении вообще, а об *активном, социально-трудовом приспособлении*.

Этот принцип легко найти, как скрытую предпосылку, во всех применениях абстрактного анализа экономических фактов,—во всех исходящих из того же анализа дедукциях. Так, вся теория обмена и конкуренции сводится к вопросу о том, как и при каких условиях производитель может приспособиться к рынку, а через него—к социальной системе производства в целом. Учение о трудовой стоимости, как основе цен, может быть прочно и окончательно доказано только в том случае, если мы выясним и установим, что приспособленность социального целого *требует* обмена по трудовой стоимости и *нарушается* постольку, поскольку движение цен не соответствует этой норме.

Чтобы ясно понимать принцип социально-трудового приспособления и правильно им пользоваться, надо постоянно иметь в виду не только его положительную, но и отрицательную сторону: приспособление не является само собою и сразу, оно возникает из *неприспособленности*, и имеет ее как-бы своей предпосылкой; механизм жизни ее устраняет и этим создает приспособление. Напр., абсолютное перенаселение в натурально-хозяйственном обществе выражает его техническую неприспособленность к исторически-данным условиям трудовой борьбы за жизнь; приспособление—технический прогресс—порождается давлением этой неприспособленности, и есть ее последовательное устранение. Путь, которым совершается подобное устранение, в различных общественных формациях неодинаков: в первобытных натурально-хозяйственных системах он мало отличается от зоологического подбора минимальных уклонений в благоприятную сторону; в обществе меновом двигателем приспособления выступает стихийная сила конкуренции, уничтожающей всё неприспособленное, а затем также сила классовой борьбы; в обществе коллективистическом на смену подобным слепым двигателям приспособления придет, повидимому, организованное коллективное мышление, т.-е. планомерный и сознательный выбор обществом наилучших методов борьбы с природой и наилучших форм собственного устройства. Но всюду та или иная, общая или частичная неприспособленность стоит в исходном пункте развития и служит его стимулом, активное трудовое приспособление представляет его результат.

Как мы сказали, обыкновенно у экономистов и вообще у социологов принцип приспособления прямо не формулируется, но образует *постоянную скрытую предпосылку* их

анализа и из дедукций, ибо всякий раз, как делается вывод, что такая-то социальная форма развивается и получает преобладание, а такие-то вытесняются и отмирают, это и выражает собою результат исследования приспособленности или неприспособленности данных форм к условиям социальной жизни и развития.

Существуют, однако, и такие школы в социальных науках, которые выдвигают идею приспособления открыто и с большей настойчивостью, но в чрезвычайно ошибочном виде, именно—придают ей не тот специальный смысл, который вытекает из самой точки зрения социальных наук, из характера их объекта,—а иной, узко-биологический, пожалуй, даже—зоологический. Социологи-дарвинисты, совершенно упуская из виду *трудовое единство* социальной системы, приравнивают экономическую деятельность людей к индивидуальной и видовой борьбе животных за их существование, конкуренцию внутри менового общества—к конкуренции во всей биологической природе, и пытаются не столько объяснять, сколько *отрадывать* законом выживания приспособленных истребительную конкуренцию капитала с мелким производством и экономическое подавление им пролетариата. Ложность этой концепции очевидна из того, что борьбу с природой ведет не индивидуум, а общество, и что социальная анархия производства при меновой организации не имеет ничего общего со стихийной анархией зоологического мира, где борьба особей и видов выступает отнюдь не при взаимном их обмене полезными продуктами, как это происходит в социальной среде нашего времени.

Социологи-органицисты, напротив, крайне преувеличивая жизненное единство социальной системы, приравнивают ее к высоко дифференцированному организму и «объясняют» ее строение и жизнь посредством сопоставления различных функций и частей общества с функциями и частями живого индивидуума. Этим путем обосновывается и оправдывается, главным образом, узкая специализация внутри общества, дробление его на классы и группы, господство одних классов и групп над другими. Коренная ошибка здесь заключается в том, что единство общественного целого является социально-трудовым, т.-е. предполагает сознательную деятельность каждой из «клеток» общества — человеческих особей, тогда как единство организма — физиологическое — не только не предполагает особого активного сознания каждого элемента, но скорее исключает это последнее. Никакой сознательной координации между функциями клеток или тканей не требуется, так как имеется налицо их материальная непрерывность, а экономия сил организма делает необходимым возможно большее упрощение функций отдельных элементов. Мускульному волокну, которое сокращается, или железистой клетке, выделяющей слизь, незачем думать о том, что она делает, или совещаться с себе подобными, или вступать с ними в

меновые договоры и т. п., как это наблюдается в социальных отношениях людей; в организме сознательность целого опирается на стихийность жизни частей, тогда как общества из бессознательных автоматов никогда не получилось бы.

Вобщем, принцип приспособления может целесообразно применяться для экономического исследования лишь в определенно-конкретизированной частной форме,—как принцип социально-трудовой деятельности людей.

4. Методы объективные и субъективные.

Элемент *сознательности*, присущий социально-трудовым действиям и отношениям людей, нередко кладется в основу попыток применения *субъективно-психологического метода* в политической экономии. Исходной точкой анализа тогда берется индивидуальное сознание человека, участвующего в производстве, распределении, обмене,—или два, или несколько индивидуальных сознаний,—и психологически выясняется, каким образом данная личность или данные личности при таких-то условиях могут и должны устанавливать свои экономические отношения. Главным полем для этих методов являлось до сих пор учение об обмене и о прибыли. Примерами могут служить теории субъективной, трудовой ценности и особенно наиболее распространенные в официальной науке доктрины о роли «предельной полезности» в обмене товаров, в образовании прибыли и пр. Возникает вопрос, в каком отношении находятся эти психологические методы к тем объективным методам, о которых шла речь до сих пор, и—в каком отношении к самым задачам экономической науки, т. е. полезны ли и нужны ли они для экономического исследования.

Задачи нашей науки состоят, как было выяснено, в том, чтобы познавательно овладеть ее объектом—социально-трудовыми отношениями людей, получить возможность предвидеть ход развития и целесообразно воздействовать на него. Мы видели, каким образом и в какой мере рассмотренные нами объективные методы достигают успеха в этих направлениях. Дают ли что-нибудь подобное методы субъективно-психологические?

Легко убедиться, что с этой точки зрения они совершенно бесплодны. Никакого предвидения и практического воздействия на них основать нельзя. И это по той причине, что они оперируют вовсе не с теми условиями, которые в действительности определяют собою движение экономических форм.

В самом деле, что представляет из себя индивидуум с его психикой в социальной среде? Прежде всего, он — *ее продукт*. Она окружает его со дня его появления на свет, и постоянно влияет на него даже раньше этого, через организм его родителей. Она, через воспитание, определяет его прак-

ческое и его познавательное отношение к жизни; она, при посредстве того положения, которое он в ней занимает, обуславливает его материальные и идейные интересы; она дает ему готовые формы мышления, как орудие и опору в его деятельности. Самые сильные и яркие индивидуальности—это те, в которых скрещивается всего более социальных влияний, которые всего полнее отражают в себе жизнь социального целого; в них связь индивидуума с социальной средой особенно глубока и тесна. Таким образом, индивидуальная психика, из которой исходят психологические методы, уже ранее *выработана* объективной и социальной средой, уже зависит от нее, как производная функция.

Теперь берем индивидуума в определенных экономических условиях, т. е. известной системе сотрудничества и собственности, которая дана ему извне, которая исторически создавалась независимо от него, в которую он своими силами может внести лишь незначительно малые изменения. Берем его, напр., на рынке, куда он явился в качестве продавца своего товара и покупателя чужих. Исследуем психические процессы, которые в нем совершаются при его меновых операциях. Какова реальная роль этих психических процессов, чего могут они на практике достигнуть? Только одного: хорошо или плохо приспособить данное лицо к данным экономическим условиям. Цены товаров на рынке уже существуют; ему не приходится выдумывать их. И ему, и другим продавцам-покупателям, с которыми он имеет дело, неизбежно считаться с этими ценами, более того—подчиняться им. Поскольку же он старается выйти из этого подчинения, создать для себя наилучшие, исключительно-благоприятные условия обмена, постольку направление его усилий опять-таки всецело зависит от его интересов, т. е. от его положения в обществе и стремлений, воспитанных в нем социальной средой. Самое понимание личных интересов в том или ином смысле вытекает из объективных социальных условий. Напр., в данном случае, при анархии производства и господстве рынка, оно имеет форму стремления присваивать и накапливать меновую стоимость в денежном виде.

Итак, вся «субъективная» деятельность сознания здесь сводится к тому, чтобы в рамках наличных рыночных цен и их наличных колебаний продать товар, как можно скорее и выгоднее, купить, как можно дешевле, т. е., как можно лучше приспособиться к *объективно-данным* отношениям рынка. Каким путем пойдет в этом случае психика и какие «субъективные» переживания она будет переживать, это экономически совершенно неважно и даже неинтересно, ибо результат *предопределен* объективными условиями и не может быть изменен субъективными.

Правда, благодаря личным психологическим особенностям, тот или иной человек экономически приспособляется лучше других, т. е. продает и покупает выгоднее, чем по

обычной цене: но при этом каждый раз кто-нибудь другой должен приспособиться плохо, т.е. купить выше обычных цен, продать ниже. «Субъективно» для обоих это, конечно, очень важно; но для экономической науки, которая есть наука социальная и берет явления в социальном масштабе, это никакого значения не имеет.

В конце концов, оказывается, что весь «субъективный» анализ экономических процессов, как бы тонко и искусно он ни производился, несколько неспособен предрешисть их объективных результатов, которые зависят от объективных же условий. Он просто *относится к иной области*, чем экономическое исследование, — к области индивидуально-психологического отражения социально-трудовых процессов и форм, а не к области их реального движения и развития.

Коренная ошибка «психологической» точки зрения в науках о социально-трудовой жизни людей — это ее *индивидуализм*. Вместо того, чтобы экономического индивидуума рассматривать и объяснять, как результат социального развития и точку приложения социальных сил, она хочет социальную систему понять, как нечто производное от индивидуума и, притом, именно нынешнего индивидуума, каким мы его находим среди капиталистической культуры. Отсюда и глубокая *неисторичность* этих воззрений.

Экономическая наука может достигать своей цели, т.е. познавательного овладения своим предметом, только как наука историческая, объективная и социальная по самому своему методу.

III. Система изложения.

Из всего изложенного с несомненностью вытекает, что самый простой и целесообразный способ изложения нашей науки — это последовательно-исторический. Действительно *познать* какую бы то ни было экономическую форму возможно только, выяснивши ее происхождение и те социальные условия, в которых она развивалась. В целостном изложении всего трудового развития человечества, как одного непрерывного процесса, от перехода человека из зоологического состояния в социальное до тех экономических формаций будущего, которые уже теперь предусматриваются с достоверностью, — в такой системе всякая экономическая форма выступит в наиболее верной перспективе, и ее связь с другими выяснится всего легче и короче.

Вот почему здесь, во введении, мы ограничиваемся характеристикой задач и методов нашей науки, не занимаясь, вопреки традиции, анализом экономических «категорий», т.е. общих понятий, с которыми оперирует современное экономическое исследование. Все эти категории, как напр. «об-

482700

ровать именно по мере их исторического возникновения, от их простейшего, зародышевого состояния, до последних известных нам стадий их развития. Это избавит нас от обычной ошибки экономистов и социологов—перенесения *современных* концепций на такие общественные комплексы, которым они совершенно не соответствуют, вроде представления о палке и камне, как о «капитале» первобытного человека.

Для удобства изложения нам придется подразделить процесс экономического развития на периоды, характеризующиеся различным строением общественной организации. *Основные типов* строения можно наметить три.

1. Дробное натуральное хозяйство.

Человечество распадается на самостоятельные производственные коллективы, организованные, десно сплоченные, вначале мелкие, потом все более крупные. Каждый из таких коллективов—трудовых общин—удовлетворяет свои потребности продуктами собственного труда, не прибегая к обмену продуктов с другими общинами, или пользуясь обменом в сравнительно ничтожных размерах.

В этом периоде мы будем различать три эпохи, из которых каждая представляет крупные и важные особенности в социально-трудовых отношениях:

а) *Первобытный родовой коммунизм*. Мелкие родовые группы почти с полным отсутствием разделения труда.

б) *Авторитарная родовая община*. Размеры группы возрастают, имеются зачатки специализации, функция организаторская обособилась внутри общины в виде власти старейшего и опытного.

в) *Феодализм*. Дальнейший рост организации, при котором кровные связи отступают на второй план перед связями собственно экономическими. Специализация идет дальше, захватывает также организаторскую функцию, так что создается более или менее сложная и дифференцированная система власти—подчинения.

Далее следует второй период:

2. Меновое хозяйство.

Обширные человеческие общества распадаются на формально самостоятельные хозяйства, которые лишь в относительно малой или ничтожной степени удовлетворяют свои потребности собственными продуктами, в наибольшей же части—продуктами других хозяйств, именно при посредстве обмена.

Развивается частная собственность (индивидуальное присвоение).

Тут надо прежде всего выделить:

а) *Формы переходные*, которые собственно относятся настолько же к этому периоду, как и к предыдущему — *рабство, крепостная организация*. В них натурально-хозяйственные элементы сохраняются еще в значительной мере, а растущее влияние обмена выражается в интенсивной *непосредственной* (в форме порабощения) эксплуатации группами господствующими, групп им подчиненных.

Далее, формы более типичные:

б) *Мелко-буржуазный строй* — ремесленный, свободно-крестьянский. Самостоятельные мелкие производители связываются при посредстве рынка. Эксплуатация прямая почти отсутствует, косвенная (в форме покупки рабочей силы) находится в зародыше.

в) *Домашне-капиталистическая система*. Мелкие производители группируются вокруг связывающего их и эксплуатирующего торгового капитала. Покупка рабочей силы капиталом маскируется формой скупки продуктов по внешности еще самостоятельных производителей, а затем формой раздачи работы на дом. Производство технически еще раздроблено.

г) *Промышленный капитализм типа мануфактуры*. Производство технически объединяется в мануфактуре, но остается ручным. Техническая специализация развивается до крайних пределов. Эксплуатация путем покупки рабочей силы выступает во вполне сложившемся, чистом виде.

е) *Машинный капитализм*. Дальнейшая концентрация производства в крупно-капиталистических предприятиях. Замещение специализированной ручной техники — машинною. Развитие анархии производства до наибольшей степени, и выражение этого развития — кризисы производства. Интенсивная классовая борьба, зарождение в ней нового трудового коллектива в виде пролетарских организаций.

Эта экономическая система, в свою очередь, переходит две фазы: 1) господство широкой конкуренции, с промышленными мировыми кризисами, в виде общего перепроизводства; 2) развитие монополий — синдикатов, трестов, финансовых группировок, с ожесточенной борьбою этих организаций, порождающей, кроме прежней, новую форму всеобщего кризиса — мировую войну.

Наконец, последний период, о каком может говорить современная экономическая наука, — строй, намечающийся в тенденциях нынешнего общества, но еще нереализованный.

3. Объединенное натуральное хозяйство (коллективизм).

Организованная в целом система производства. Устранение обмена, частной собственности, эксплуатации; коллективная собственность на средства труда; прекращение классовой борьбы. Трудовое сплочение всего человечества и неограниченное возрастание его власти над природой.

Все выше разграничение, конечно, условно. В неуровняности социального развития нет резко обособленных этапов. Чистых экономических форм того или иного типа не существует: это — познавательные абстракции. Но преобладание в одни эпохи одних, в другие — других тенденций выступает на практике с достаточной ясностью и позволяет разделить материал так, как это всего удобнее для его исследования и изучения.